

СЕМАНТИКА ПОЭТИЗМА И СТИХОТВОРЧЕСКИЙ ДИСКУРС (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «ЖИВЫМ СТИЛИСТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА»)*

Г. В. Векшин, М. М. Лемешева

Московский политехнический университет

SEMANTICS OF POETICISM AND COMMON VERSE-COMPOSING DISCOURSE (EXPERIENCE DEVELOPING THE DIGITAL “RUSSIAN LIVE STYLISTIC DICTIONARY”)

G. V. Vekshin, M. M. Lemesheva

Moscow Polytechnic University

Поступила в редакцию 11 августа 2019 г.

Аннотация: статья посвящена лексическим и фразеологическим поэтизмам русского литературного языка как элементам общедоступного стихотворческого дискурса, речевой традиции поэтического сочинительства в русской культуре. В работе представлены базовые теоретические положения и предварительные результаты исследования, проводимого в рамках проекта создания «Живого стилистического словаря русского языка» – уникального веб-сервиса, призванного автоматически определять стилистические окраски и контекстуальные тяготения языковых единиц, представляя их многомерный стилистический портрет. Концептуальной лингвистической основой проекта является трехуровневая модель семантики языковых единиц, где стилистическая окраска представляется в ее двоякой обусловленности – социокультурной и эмоционально-оценочной – и описывается по 18 параметрам, соответствующим номенклатуре стилистических примитивов русской речи. Компьютерно-лингвистическая модель словаря основана на технологиях глубокого машинного обучения, с использованием подхода *Web as a Corpus* (Сеть как корпус). Приводятся лингвистические данные, полученные в процессе работы над поэтическим подкорпусом словаря. Вводится понятие стихотворческого дискурса – коммуникативной практики сочинения текстов, определяемых носителями языка как «стихи». В согласии с трактовкой «поэтического языка» Г. О. Винокура, стихотворческий дискурс рассматривается как «только особая традиция языкового употребления», безотносительно к художественному качеству произведений. Подробно обсуждается понятие поэтизма, под которым понимаются вербальные дейктические знаки сферы поэтического (поэтичного) и коммуникативной роли поэта-сочинителя. Выделены один основной и три факультативных семантических признака поэтизма, на основе которых обозначены сходства, различия и пересечения между поэтизмами и поэтическими концептами, частотно-тематическими словами, а также поэтизмами и поэтическими формулами (клише); показано соотношение между поэтизмом и категорией «высокого». Намечены перспективы расширения функционала словаря, возможностей автоматического выявления в тексте стилистически окрашенных единиц, в частности поэтизмов, открывающие путь компьютерной стилистической обработки поэтических произведений и первичной оценки их художественного качества.

Ключевые слова: стихотворческий дискурс, стиль, стилистическая окраска, поэтизм, веб-сервис, электронный словарь, машинное обучение.

Abstract: the paper is devoted to lexical and phraseological poeticisms in Russian literary language as the features of poetic discourse, speech tradition of verse writing in Russian culture. It reviews basic theoretic statements and preliminary results of the research conducted within the framework of developing “Russian Live Sty-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-04-00421).

© Векшин Г. В., Лемешева М. М., 2019

listic Dictionary”, the unique web-service, aimed to automatically define stylistic connotations and attractions of language units and to represent their multidimensional stylistic portrait. The conceptual linguistic base of the project is a three-level model of language unit semantics, representing the stylistic connotation in its two-fold (social-cultural and emotional-evaluative) causality and describing it by 18 parameters, according to the list of stylistic primitives of the Russian language. Computational-linguistic model of the dictionary is based on the deep machine learning technology with the application of Web as a Corpus approach. The paper also provides linguistic data acquired during the work on the poetic subcorpus of the dictionary. It introduces the concept ‘poetic discourse’, which means the communicative practice of creating texts identified as poetry by native speakers. In agreement with G. O. Vinokur’s idea of “poetic language”, poetic discourse is considered as “only a special tradition of language performance” with no regard to the artistic merit of writing. The concept ‘poeticisms’ is discussed in detail. It is understood as verbal deictic signs of poetic sphere and communicative role of poet-writer. One main and three complementary, tentative semantic features of poeticisms are used as the basis for specifying similarities, differences and intersections between poeticisms and frequency thematic words, concepts; between poeticisms and poetic formulas (clichés). The paper outlines the prospect to widen the functionality of the dictionary for automatic highlighting stylistically marked units in the text, particularly poeticisms that could open up a further opportunity for automatic stylistic processing of poetic writings and preliminary assessment of their artistic merit.

Key words: poetic discourse, style, stylistic semantics, poeticism, web-service, digital dictionary, machine learning.

О «Живом стилистическом словаре»

Предлагаемая работа напрямую связана с задачей создания «Живого стилистического словаря русского языка» (далее – ЖСС) [1] – системы автоматического выявления стилистически окрашенной лексики и фразеологии русского литературного языка, а также языковых единиц – репрезентантов концептов, понятий, формирующихся в типических коммуникативных сферах русской культуры. ЖСС нацелен на последовательное обнаружение простейших значений в сфере стилистической окраски – той области семантики, которая традиционно (интуитивно и достаточно бессистемно) отражается в словарях в виде стилистических помет. «Живой словарь» призван автоматически, с учетом строгих правил семантического анализа, формировать в ответ на пользовательский запрос полный стилистический портрет слова или выражения. Автоматизация процесса осуществляется путем глубокого машинного обучения на базе корпусных данных, с их предполагаемым дальнейшим автоматическим обновлением из ресурсов Всемирной сети в соответствии с принципом Web as a Corpus [2].

Теоретические основания

ЖСС строится с опорой на трехуровневую модель семантической структуры языковых единиц, выделяющую слои: 1) денотативно-сигнификативной семантики (предметно-логического ядра); 2) стилистической окраски (семантической периферии, формируемой устойчивым употреблением единицы в типических контекстах общения) и 3) коннотации (семантической периферии, вслед за Ю. Д. Апресяном понимаемой как семантика, формируемая национально-специфичными контекстами [3]); ср. [4; 5]. Стилистическая окраска (далее – СО) определяется как область семантики, которую единицы языка

приобретают в силу их устойчивого употребления в типических социокультурных и эмоционально-оценочных контекстах и репрезентации с помощью них соответствующих типических коммуникативных ролей («я – ученый»; «я – профессионал»; «я осуждаю» и др.), и рассматривается как средство контекстуально-ролевого дейксиса. СО предстает в ее двоякой обусловленности – социокультурной и эмоционально-оценочной. Считается, что устойчивые социокультурные контексты универсального характера «пропитывают» языковые единицы 6 функционально-стилевыми значениями: разговорным и 5 известными видами книжных (из текстов, представляющих эти универсальные контексты, состоят основные корпуса словаря). В свою очередь, неуниверсальные социокультурные контексты формируют социально-жанровую окраску единиц языка: социально-сословную, профессиональную, ареальную, гендерную, жанровую, ксенологическую, возрастную, хронологическую (всего выделяются 8 основных видов социально-жанровых значений). Эмоционально-оценочная окраска характеризуется положением единицы на четырех осях простейших тональных значений: одобрение/неодобрение, уважение/пренебрежение, примирительное/агрессивное, интимное/отстраненное. Таким образом, стилистическая семантика описывается словарем по 18 параметрам, соответствующим номенклатуре стилистических примитивов русской речи [5].

Первичная корпусная база словаря составляется экспертами вручную. Критерием для включения конкретного текста в корпус является доминирование в нем какого-либо из перечисленных выше стилистических значений (т. е. текст или фрагмент текста/диалога включается в корпус, если он квалифицируется как преимущественно религиозный или научный; как тяготеющий к определенной сословной среде, исто-

рическому периоду, жанру; как в целом одобрительный или неодобрительный и т. д.). Соответственно размеченные тексты, объединяемые в корпуса, служат материалом для машинного обучения (его принципы в этой статье не излагаются). В результате проверки слова на его притяжение/отторжение указанными коммуникативными контекстами, веб-сервис ЖСС создает стилистический портрет слова или фразеологизма, многосторонне отражая употребление единицы, а также его динамику во времени.

Помимо этого, для повышения надежности результатов автоматической обработки текстов в разметке учитываются макротекстовые слоты: монолог/диалог; паремия / развернутый текст; стих/проза.

Поэтический подкорпус ЖСС и стихотворческий дискурс

Литературный язык – достояние всеобщее. А если он во многом живет и развивается благодаря творчеству писателей, это происходит не потому, что этих писателей читает большинство. Поэзия, литература вообще, как и всякое искусство, – удел избранных, обладающих высокой культурой письма и чтения, даром слышать слово в его «овеществленности», «остранненности» и многомерности, самый смысл извлекать из отношений слов и воплощенных в речи противонаправленных взглядов на предмет. Однако даже ничего не понимающий в поэзии человек способен заметить, что влетевшее в его ухо слово «какое-то не такое», что так выражаются поэты, стихотворцы. А если такой человек вдруг захочет, например, написать в стихах торжественное послание новобрачным, то он интуитивно будет отыскивать в своей памяти эти диковинные слова и обороты, втискивать слово в размер и рифмовать, делая это только для того, чтобы сочиненное было похоже на стихи и на то, как написал бы поэт. Собственно поэты тоже часто прибегают к речи подчеркнута поэтической, придерживаются формальных канонов стихосложения, «перпевают» прежде сочиненное, отдавая дань литературной традиции или же играя и споря с нею. Но в этом ими движут задачи иного рода, обычно называемые художественными, эстетическими. Говорить о природе эстетического в рамках этой работы излишне. Здесь для нас существенно, что во-первых, маркеры поэтического (поэтичного) не обязательно свидетельствуют о том, что мы имеем дело с искусством. А во-вторых, что язык как общее достояние включает в свой состав элементы, которые у большинства его носителей ассоциируются с художественностью, поэзией, устремлениями, ситуациями и темами поэтического сочинительства, а также с образом говорящего как поэта-стихотворца. Эти элементы как раз и призван обнаруживать ЖСС на основе собранного корпуса поэтических текстов.

Г. О. Винокур, рассматривая понятие поэтического языка, в первую очередь предлагал видеть в нем «не какое-нибудь внутреннее качество языка, не какую-нибудь особую его функцию, в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а только особую традицию языкового употребления. <...> Точно так же, как есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в языке науки или дипломатии, есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических произведениях. История того, как и почему изменялся состав языковых средств, принятых в употреблении в этой традиции, и есть, с этой точки зрения, история поэтического языка» [6].

В согласии с такой трактовкой, составляя поэтический корпус словаря, мы стремимся выявить «прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях» [6], а не поэзию как искусство, не поэтический язык как семиотическую систему и средство эстетического познания [7–11]. Следует лишь уточнить, что, говоря о языке *поэтических* произведений, мы имеем в виду сочинения, которые будут большинством носителей культуры *квалифицированы* как поэтические, названы таковыми независимо от их действительного художественного качества. В связи с этим поэтический подкорпус принципиально охватывает самый широкий круг стихотворных текстов – от высокой поэзии до графомании.

Разнородный круг этих текстов и стоящей за ними коммуникативной деятельности мы обозначаем рабочим термином *стихотворческий дискурс*. Предлагаемый термин кажется удобным потому, что поэзия без стихов носителями наивного языкового сознания не мыслится, а стихи для него воплощают поэзию как таковую. Стихотворческий дискурс – это коммуникативная практика сочинения текстов, определяемых носителями языка как стихи, а также результаты этой практики. В сфере нашего внимания, таким образом, оказываются не столько собственно поэтические, сколько *поэтичные* произведения – тексты, авторы которых стремятся представить их как относящиеся к поэзии, искусству слова, а самих себя – как поэтов.

Попутно заметим, что дискурс, вслед за известными его определениями, понимается здесь как речевая практика, погруженная в специфический контекст, в чем-либо ограниченную сферу жизни, и детерминированная ею [12; 13] или, по-другому, образующая отдельные срезы коммуникативной действительности. Поэтическое творчество, стихотворство, безусловно, создает такой особый срез.

Поэтический подкорпус ЖСС является частью художественного корпуса, выделяясь по признаку

соединенности маркеров *художественный и стих*. В числе произведений – «реплик» стихотворческого дискурса – оказывается, например, следующее:

Отгрохотала ночь громами предсказаний
Свершений или бед – как их предугадать?
Сознанию не всегда доступно распознать
К грядущему пути, приметы узнавания.
Как бледен серп Луны, как холодна кровать...

(В. Ф. Фалёв)

Художественное качество этого текста, извлеченного из ресурсов Всемирной сети, мы не беремся оценивать. Для нас достаточно того, что в нем обильно представлены дейктические знаки сферы поэтического, а точнее поэтичного, а также знаки коммуникативной роли поэта-сочинителя – лексические и фразеологические поэтизмы: *громами, свершений, как их предугадать, грядущему, приметы узнавания, как бледен, как холодна* и др.¹ Тексты, подобные «Отгрохотала ночь громами предсказаний...», и составляют ядро поэтического корпуса ЖСС.

Если представить стихотворство как шкалу между поэзией и шаблонным сочинительством, то для отдельного произведения или творчества конкретного поэта место на ней не может быть предопределено. Степень «поэтичности» сочинения будет зависеть и от прагматики автора, и от прагматической установки, реализуемой в конкретном тексте, «поэтичность» которого может диктоваться как внеэстетическими намерениями (собственно декларирования текста как поэтического и самопозиционирования автора в качестве поэта), так и собственно художественными задачами.

Поэтизмы русского языка: семантическая структура

Внешнее соответствие текста образцам поэтического сочинительства, стихотворства обеспечивается за счет поэтизмов – единиц языка, которые хранят память о своем традиционном употреблении в поэзии² и выступают дейктическими указателями на сферу поэтического и речевую роль пишущего как поэта. «Привкус», «отпечаток» поэтичности как элемент значения представлен в семантической структуре языковой единицы в виде стилистической окраски (книжной художественно-поэтической, в том числе в

ее кластерном соединении с эмоционально-оценочным компонентом важности и жанровыми компонентами – лирической маркированностью и пр.), а также в виде особых тематически обусловленных сем ее предметно-логического ядра и коннотаций, соотносящих данную единицу с устойчивыми национально-культурными контекстами и конкретными широко известными текстами.

Необходимым и достаточным признаком поэтизма является его *художественно-поэтическая стилистическая окраска*, т. е. его отчетливая традиционная соотношенность с социокультурным контекстом поэтического сочинительства – общедоступным стихотворческим дискурсом – и типической коммуникативной ролью сочинителя («я поэт»). Таковы, в частности, лексические и фразеологические маркеры поэтичности: *безбрежный, безмолвие, брожу, бывшее, взор, вериги, вновь, дивный, лик, незабвенный, пилигрим, сей* (мест.); *а нынче, в сумраке ночном, на миг, сгустилась тьма, череда грядущих дней* и т. п. Актуализацию СО как основного семантического компонента поэтизма можно обнаружить, например, в конструкции: *У нее не взгляд, а взор; Мы говорили не о прошлом, а о былом; День был не удивительный, а дивный*.

Остальные признаки в семантической структуре поэтизма являются дополнительными, усиливающими его статус. ЖСС позволяет наблюдать их активность как индикаторов поэтических контекстов. Речь идет о наличии специфических сем в денотативно-сигнификативном ядре поэтизмов, характеризующих тематические константы поэзии, об их коннотативной семантике, а также о кластерном взаимодействии СО поэтизма с другими ее видами.

Поэтизм и тематические константы

Дополнительным признаком поэтизма – важным, хотя и не обязательным – является включение в состав его семантического ядра семы ‘о вечном, метафизическом’. Эта сема соотносит поэзию с ее историческим источником – мифом, а также способствует мифологизации картины мира в конкретном произведении или индивидуальном стиле. Таковы, в частности, устойчивые поэтические концепты-символы: ОГОНЬ, НЕБО, РУКА и др.

Концептуальные и тематические слова отражают мотивы, предметы поэтической речи (ср. понятия маркемы [16; 17], экспрессымы [9], поэтемы [18], элемента «предметного мира, организующего характер текста» [19]). Среди лексических манифестантов этих концептов находим поэтизмы: *пламень, небеса, десница*. Присутствие в семантическом составе поэтизмов ядерного компонента ‘о вечном, метафизическом’, присущего поэтическим концептам, укрепляет его статус.

¹ Здесь сознательно приводятся отдельные «коммуникативные фрагменты» [14] и словоформы, поскольку конкретные отрезки речи и разные словоформы одной лексемы могут быть по-разному стилистически «заряжены», а значит, должны быть объектом самостоятельной квалификации в ЖСС.

² Проблема определения поэтизма рассмотрена в работе [15]. По Б. В. Орехову, сложность состоит в том, что поэтизмы выделяют по двум нетождественным основаниям: свойственности поэтической речи и художественной образности. Избегать логической ошибки можно, взяв за основу один сущностный признак.

Существенно, что манифестанты поэтических концептов могут быть лишены окраски поэтизма. Так, например, *пламень, огонь* – поэтизмы; *пламя* носит оттенок поэтичности (тяготеет к поэтизму), хотя может восприниматься и как нейтральное, слово *огонь* – стилистически нейтральное, *пламенеть* – поэтизм, *гореть* – нейтральное. Следует заметить, что стилистически нейтральные представители поэтических концептов-символов, будучи включены в поэтический контекст, могут опознаваться как знаки поэтического. В этом случае при актуализации семы ‘о вечном, метафизическом’ есть основания рассматривать их как лексико-семантические варианты с поэтической СО: таковы, например, *луна* и *ветер* в выражениях: *луна на небесах все ярче; от ветра прячу руки в карманы*. Еще сильнее эта семантика проявится при подключении просодических и фонетических поэтизмов – признаков стихотворного размера, рифмы, к примеру: **Луна на небесах сияет ярче, / От ветра руки в карманы прячу*.

Сема ‘о вечном’ свойственна языковым элементам, традиционно выступающим средствами обозначения устойчивых, «сквозных» для поэзии предметов и тем (вещей, событий, состояний, явлений), прежде всего в качестве вариантов базового мифологического противопоставления КОСМОС/ХАОС: ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ/РАЗЛУКА, СЛИЯННОСТЬ/ОДИНОЧЕСТВО, ВСТРЕЧА/РАССТАВАНИЕ и др. Если поэтизм относится к номинациям такого рода, это укрепляет его статус. Так, слова *разлука, разлучить, покинуть*, входящие в концептуальное поле ‘встреча/расставание’, во фразах: *Мы живем не врозь, а в разлуке; нас не разделили, а разлучили; он не оставил родину, а покинул ее* – маркированы как поэтизмы.

Анализируя материал, мы выделили следующие концептуально-тематические поля (полное их представление, на которое мы здесь не претендуем, составило бы традиционно-поэтическую картину мира):

– *чувства*: страдание, одиночество, боль, тоска, рана, кровь, слеза, мученье, муки, печаль, отчаяние, смятение, горько, горький, обида, тяжкий груз, томить, томленье, блаженство;

– *встреча, расставание*: повстречаться, гость, разлука, уйти, покинуть;

– *жизнь, смерть*: загробное существование, бессмертие, погибель, гибнуть, погибельный, пепел, прах, тлен, тленье, могила, гроб, гробовой, увядание, душа;

– *бог*: господь, всевышний, вседержитель, спаситель, творец;

– *пространство*: небо, небеса, небосклон, высь, на краю, простор, пропасть, бездна, даль, горы, равнины, облако, туча, даль, вселенная;

– *путь*: дорога, скитания, скиталец, пилигрим, путник, странник;

– *время*: ночь, закат, рассвет, заря, вечность, навечно, вспять, грядущий, минуть, минувший, былой, век;

– *память*: забвенье, в забытье, позабыть, позабытый, оставить след;

– *вода*: море, родник, ручей, ключ, океан, омут, река, волна, течь;

– *свет, тьма*: заря, мрак, тень, сумрак, мгла, свеча, огарок, пламя, пламенеть, гореть, туча, мерцать, мерцание, звезда, гаснуть, темнота;

– *звуки, шум, музыка*: гул, гомон, звон, шелест, шелестеть, созвучие, шепот, шептать, петь, пенье, трель, скрипка, хор, мелодия, голос, отголосок, эхо, звенеть/звеня/звенящий, тишина, ропот, прокричать, бряцать, окликнуть, ноктюрн, скерцо, громко, громче, рокот, рокотать, гром, барабанить, щебет, щебетать, щебетанье, раскаты грома;

– *конфликт*: сеча, поединок, схватка, бой, битва, бросать вызов;

– *свобода и несвобода*: тиран, мятежный, вольный, вольность, плен, оковы, вериги, тюрьма, темница;

– *судьба*: предрешиено, рок, роковой, неотвратимый, участь, юдоль;

– *нить, ткать*: переплетенье, сплетенье, узы;

– *игра*: играть, роль, маска, паяц;

– *творчество*: стихи, строфы, поэт, писать, муза, вдохновенье;

– *портрет*: очертания, абрис, черты, лик, облик, прекрасный, локоны;

– *красота*: очарованье, пленительный;

– *материал*: хрустальный, стеклянный, каменный, изумрудный, алмазный, медный, гранитный, свинцовый;

– *мечта, сон*: грёза, наваждение, мираж, видение, явление, сновиденье.

Еще раз подчеркнем: тематическая специфичность и отнесенность к концептам-символам сами по себе не создают поэтизма.

В свою очередь, концепты-символы приобретают статус поэтического знака, только будучи актуализированы в поэтическом контексте (равно как и семантический компонент внутренней формы проявляется в своей эстетической значимости, только будучи оживленным в многомерном пространстве художественного смысла), таким образом становясь инструментом языка словесного искусства как функциональной системы приемов и операций со словом, результатом реализации эстетических тактик текстообразования. Там же, где сочинитель оказывается неспособен решать собственно художественные задачи, тематические слова-концепты типа *глаза, дорога, поле, тоска* и т. п. не реализуют своего символического потенциала, но несмотря на то, что в своих основных лексико-семантических вариантах они не обладают поэтической окраской, при попадании в стихи уже

выступают как ЛСВ, относимые к устойчивому репертуару общедоступного стихотворческого дискурса, тяготеющие к статусу поэтизма. Слову звезда, вероятно, достаточно намек на поэтический контекст (например, стихотворной формы как таковой), чтобы оно превратилось в поэтизм.

Коннотация в структуре поэтизма и поэтические клише

Другим катализатором семантики поэтизма является коннотация – печать его использования в конкретных общеизвестных поэтических текстах. В. В. Виноградов определил поэтизмы как «отстоявшийся или образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов» [20, с. 170]. Коннотации поэтизмов размыты и обычно не осознаваемы автором: поэтизмы так или иначе представляют собой уже преимущественно отработанный в поэзии языковой репертуар, который вторично используется ею как известный, расхожий, осязаемый в его коннотативной «памяти» и наиболее доступный инструмент поэтичности (ср. понятие беллетристического стиля в работе [9, с. 86–88]). Действительно, поэтизмы несут следы стольких употреблений, что в большинстве своем уже утратили связь с прецедентными текстами: по ним опознается не идиостиль, а стиль коллективный, массовый, тем самым сильно приближенный к фольклору. Вместе с тем эта «смутная» память о конкретных текстах-источниках создает коннотативный ореол, существенно поддерживающий статус единицы как поэтизма.

Словосочетания-поэтизмы и целые фразы, в том числе в соединении ритмико-синтаксических, лексических, звуковых схем, тяготеют к фольклорным клише и формулам. Эти единицы – своего рода кирпичики или даже панельные плиты, из которых складываются корпуса типовой стихотворной застройки. Прибегая к клише, пишущий стремится выглядеть в чужих и собственных глазах поэтом, но в итоге образуется поэт без индивидуальных черт, одновременно и узнаваемый, и безликий, – «фоторобот» поэта³.

При составлении стайлсет-базы поэтизмов, образующих своего рода рабочий словарь, мы сознательно не ограничиваемся уровнем лексики; единицей поиска может быть словоформа, сочетание слов, фрагмент предложения: *дольние пределы, дальние пределы, иные пределы / предел иной, гудят провода, тревогой объятый / объятый тревогой, биться мотыльком, не ты ль / не вы ль, свершает обряд, унылые песни / печальные песни, на закате горят, у гробовой*

черты, бушующее пламя, дороги разошлись, выюга злится, калейдоскоп миров; не печалься, родная; огонь души, пожары страсти, зияющая бездна, в час, и сердце вновь, губы шепчут, краткий миг, срывать с уст, раствориться в тебе, жаль мне, путь твой, взгляд твой, над бездной, у бездны на краю, выстрел в висок, стучит в висках, ты прости, быть может, замедлит бег, вновь не повторится, закипает в жилах, бьется в жилах кровь, поманит вновь / вновь поманит, час настал / час настанет, за годом год, луч солнца / солнца луч, щемящая тоска / тоска щемящая, о если б, на мягких лапах, эту боль превозмочь, ходить по лезвию ножа, меж небом и землею, сомкнуть уста, дивный сон, взор его, ангел небес / небесный ангел / ангел неземной, два крыла; знаю, будет; по лезвию ножа, бездонные глаза / глаза бездонные, но в сердце / на сердце, день ото дня, бывает так, но всё ж; прощай, прощай и др.

В разделе работы «Ритм и синтаксис», озаглавленном «Привычное словосочетание», О. М. Брик определил стихотворный штамп как «результат полного срастания ритмической, синтаксической, семантической стороны стихотворной речи», когда «образуются привычные словосочетания, которыми поэт и мыслит» и которые «в огромном изобилии встречаются у всех эпитонов, т. е. тех поэтов, которые принимают эти штампы как исходную точку своей поэтической работы» [21, с. 520]. М. Л. Гаспаров, однако, справедливо замечал, что «такое же мышление готовыми словосочетаниями характерно и для больших поэтов» и что «о формульном стиле в индивидуальном авторском стиле можно говорить с таким же правом», когда совместно повторяются элементы: «от ритмического клише до ритмико-синтаксической формулы – ритмико-синтаксического клише с точным повторением одного или нескольких слов» [22, с. 272–274]. Примечательно, что такие устойчивые выражения, клише, поэтические штампы, как *бледная луна, в чужом краю, в полночный час, во цвете лет, дни золотые, жаркие уста, огонь любви, осень жизни, питомец муз* и пр., возникают не в эпоху «трех штилей», а во многом связываются с лирикой романтизма, великие представители которого открывали «формулы поэзии чувств» [23, с. 802].

Важную роль при выявлении типичных текстов «массового» стихотворческого дискурса и составления первичной стайлсет-базы словаря играют также отдельные «коммуникативные фрагменты» [14] и словоформы, которые вообще, как выясняется, могут быть по-разному стилистически «заряжены», а значит, должны быть объектом самостоятельной квалификации в ЖСС⁴.

³ Планируется, что на основе данных ЖСС такие экспериментальные фотороботы типичного поэта и «образцового» стихотворческого произведения на заданную тему и в заданной форме впоследствии смогут автоматически генерироваться.

⁴ При этом в дальнейшем в качестве самостоятельных элементов функционала словаря предусмотрены также лемматизация и стемминг.

Заимствование образно-тематических и ритмико-синтаксических «ходов», таким образом, характерно для стихотворческого дискурса в целом, поскольку в основной своей массе он создается под впечатлением читателя от известных произведений поэзии и проявляется как сознательное или невольное подражание любимым поэтам.

Поэтическая окраска в составе стилистических кластеров.

«Высокое» в отношении к поэтизму

Поэтизм как носитель функционально-стилевой (книжной, художественно-поэтической) окраски может быть укреплен ее соединением, в том числе устойчивым, со стилистическими окрасками других видов. Существенным фактором укрепления поэтической семантики языковой единицы оказывается наличие жанрового компонента СО, соотносящего ее с отдельными жанрами поэзии. Так, слова и выражения, а также конкретные словоформы: *безысходный, истома, очаровать, пурпур, так близки, трепетно* характерны преимущественно для лирики, *покуда, вития, былой, грядущих поколений, пламень, будущность, глумление, позорное клеймо, самовластье, отринуть, подыметь* – гражданской оды, *чертог, чудилось, пророчит, преклонил, холодный* – баллады, *синь, стёжка, спозаранку* – крестьянской поэзии, *коли/коль, али/аль, чисто поле, миленький, кручина, светлица, молвить* будут связаны с фольклорными поэтическими жанрами. Таким образом, социально-жанровая окраска, оставаясь для поэтизма факультативной, поддерживает его стилистический статус.

Торжественно-поэтическая лексика и фразеология образуются соединением поэтической функционально-стилевой окраски с окраской эмоционально-оценочной – модальным компонентом важности: *в заветный час, мирозданье, доколь, во гневе, завещано, и вновь, испытать до дна, как прежде, нам не вернуть, неумолимый рок, незримо*. Допуская эмоционально-оценочный нейтралитет, поэтизм вместе с тем исключает появление в области СО компонента пренебрежительности.

Поэтизмы часто напрямую связываются с категорией «высокого». За понятием высокого, между тем, стоит реликтовый теоретический концепт, рожденный системой трех штилей и, шире, классицистическим сознанием и не применимый к современной коммуникативной культуре (уже в XX в. невозможно представить себе возникновение «высокого» неологизма). Для современного русского языкового сознания высокое – семантический кластер, пучок значений, «собирательный образ», образуемый комплексом релевантных стилистических примитивов, таких как: книжность (причем не только художественная, но и религиозная); явная архаичность; ксенологический

компонент (ощутимое церковнославянское происхождение), жанровая специфичность (тенденция употребления в традиционно «высоких» жанрах – оде, торжественной речи и т. п.) и, наконец, в оценочном отношении – модальность важности (торжественности, почтительности) [5, с. 50]. Сопровождение художественно-поэтической СО комплексом семантических «приправ», образующих «высокое», укрепляет поэтизм в его статусе, но не создает его. Так, слова и сочетания *коли, струны сердца, твои черты, трели, хмельной нектар* не относятся к «высокому стилю», но являются поэтизмами, выступая репрезентантами стихотворческого дискурса и коммуникативной роли поэта. В свою очередь, значительной части носителей религиозной СО в русском литературном языке сопутствует комплекс «высокого» (*ахипастырь, душеполезный, духоносный, диавол* и т. п.). Область русских поэтизмов, таким образом, лишь частично пересекается с областью «высоких» средств языка.

Методика стайлсета: отбор поэтизмов и составление поэтического корпуса

При составлении базового поэтического подкорпуса, как и других корпусов ЖСС, основным источником является Интернет.

Поиск текстов при формировании корпусов опирается на методику стайлсетов, описанную в работе [24]. В соответствии с нею вначале формируется стайлсет – набор из 5–7 интуитивно выделяемых маркеров поэзии, включающий поэтически окрашенные единицы, а также тематические слова, поэтические концепты и, наконец, просто частотные для поэзии слова и выражения.

Экспертами выбирались слова и словоформы, которые носителями языка будут очевидно узнаны как поэтические⁵. Оправу на языковую интуицию при формировании первичных стайлсетов следует считать не вынужденной мерой, а осознанным выбором в соответствии с теоретическими установками проекта (в частности – пониманием поэтизма как единицы стилистической системы языка). Способом повысить объективность было обращение к данным лексикографии, широко использующей пометы *поэт.* – поэтическое, *трад.-поэт.* – традиционно-поэтическое, а также *выс.* – высокое (об этих пометах см. в статье [23]). Кроме того, опорой служили словари языка поэзии [28–31] и наиболее значительные лингвистические исследования поэзии и авторских идиостилей.

⁵ При создании других корпусов важным источником для стайлсетов служил «Новый частотный словарь русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [25; 26], но в отношении поэтизмов он оказался неприменим, поскольку художественный конкорданс составлен в основном на материале русской прозы, а не поэзии и содержит преимущественно нейтральную лексику. Проблема составления словника ЖСС обсуждается в работе [27].

Все эти источники рассматривались как способ удостовериться в правильности языковой интуиции, и в процессе работы мы неоднократно к ним обращались, не забывая о том, что поэтизм не является исключительным показателем языка поэзии, которая активно использует прием комбинации и конфликта стилистических окрасок.

Начальным стайлсетом послужила для нас комбинация: *очи, лучезарный, нега, пленить, томимый*. Первые четыре слова, заметим, содержатся в «Словаре традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» [30], слова *томимый* там не обнаружено, хотя представлены статьи *томить* (причастие *томимый* можно рассматривать как его словоформу), *томиться, томительный, томление, томно, томный*. На отнесенность к поэтическим практикам указывает и высокая встречаемость *томимый* в поэтическом подкорпусе «Национального русского языка», с наивысшим пиком употребления слова в середине XIX в. и заметной его активизацией в поэзии конца XX в.

Использование в качестве «наживки» для поиска поэтических произведений одного слова не дает необходимых результатов: в этом случае получаем ссылки на словарные статьи, наиболее типичные ближайшие контексты (*очи черные*), а также рекламу товаров и услуг: *санаторий «Лучезарный», гостевой дом «Лучезарный», фестиваль «Лучезарный ангел»* и т. п.

В ответ на стайлсет «*очи лучезарный нега пленить томимый*» поисковая система Google выдает ссылки на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», стихи Александра Полежаева, Вильгельма Кюхельбекера, стихотворения и прозу Д. П. Ознобишина, поэзию А. Апухтина, С. Надсона, А. Фета, Ф. Тютчева, Константина Романова, стихотворения поэтов серебряного века: А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Д. Мережковского; переводы Мильтона, Байрона, Рабиндраната Тагора, Шарля Бодлера, каталог романсов и пр.

Помимо классики, с которой ассоциируются слова, составившие стайлсет, поисковая система находит и современные тексты, например: *Перекрытосова А. Г. Голос души. Стихи*. 2004. <http://klincy.314159.ru/vos.pdf>; *Каменин Н. Реликварий. Стихотворения*. <https://ridero.ru/books/relikvarii/>; *Полторецкая О. Счастье земное. Книга девятая «Поэт – господин сотворец»*. *Стихотворения. Избранное*. 2015. <http://kitaphane.tatarstan.ru/file/File/Счастье%20земное-9.pdf>; *Борычев А. Стихи 2001–2017 года*. <https://www.proza.ru/2013/09/08/64>; *Григорьев В. Светение. Книга ристаний души. Стихи 1990–2017 года*. 2017. http://victorgrigoryev.narod.ru/poesia/Svetenie/Victor_Grigoryev_Svetenie-2017.pdf. То, что среди результатов поиска превалирует поэзия, доказывает правильность исходной установки.

Отобранные по результатам поисковой выдачи наиболее стилистически однородные (герметичные) тексты или фрагменты текстов далее подвергаются двойной обработке. Во-первых, из них извлекаются единицы для формирования новых стайлсетов и дальнейшего пополнения корпуса. В ближайшем контексте (в пределах одного стихотворения) обнаруживаются, например, такие поэтизмы, как *бездной, ввысь, врата, небесных мечтаний, озаривший, суровых лет, во тьме, полузабытых снов, чудился лик* – они сохраняются в отдельном рабочем документе. (Удостовериться в правильности «языкового чутья» можно с помощью дополнительного веб-поиска, который позволит понять, свойственно ли данное слово или сочетание слов преимущественно поэтическим текстам или так же регулярно встречается в высказываниях другой прагматики, сочинениях непоэтических жанров, например религиозных. При решении этой задачи большую помощь оказывает и поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка.)

Во-вторых, отобранные тексты размечаются экспертами в соответствии с установленными параметрами, которые разделены на два блока: фактологические сведения о тексте и его стилистические свойства. К фактологической информации относится атрибуция: название, источник, автор (имя, пол), время создания. Эти данные смогут служить, в частности, ориентирами для автоматического воссоздания картины динамики употребления языковой единицы. Стилистическая характеристика, помимо функционально-стилевого тяготения текста, требует определить его социально-жанровую специфику: гендерную, возрастную, профессиональную, сословную, ареальную, ксенологическую, хронологическую (в отношении не реального, а воссоздаваемого в тексте времени написания), наконец – собственно жанровую. Таким образом, многогранный стилистический портрет языковой единицы, который можно будет составить с помощью словаря, позволит выявлять не только поэтизмы вообще, но характерные, например, для женской или для крестьянской поэзии.

Поэтизмы в многоуровневой структуре языка

Термин *поэтизмы* относится далеко не только к группам лексики, поэтическая окраска присуща единицам самых разных языковых уровней: от уровня фонетики и просодики, где главные поэтизмы – рифма и размер (причем только силлабо-тонический и тонический), до уровня текста как композиционной формы (среди стихотворцев особой доблестью считается, например, сочинение венка сонетов). Таковы, в частности, формы слов: *дерев (листву дерев), крыла (распахнуть крыла)*, множественное число абстрактных существительных – *рассавания, ожида-*

ния, озарения, мечтания; краткие формы прилагательных – *светел, черен, горячи*; окончание -ою в творительном падеже имен существительных и прилагательных: *морскою, седою, зимою, бедою, страшною войною, злою силою, мукою*; существительные на -ье (*пенье, сновиденье*) и другие усечения: *меж, средь, ль, иль, коль, чтоб, уж*.

Грамматический поиск в ЖСС и его интеграция с другими информационно-аналитическими корпусными системами (НКРЯ, ГИКРЯ, веб-сервис «Фонотекст» и др.) позволит расширить его возможности для учета специфических поэтических структур всех уровней языка.

В совокупности поэтизмы составляют общедоступный поэтический подстиль художественного стиля литературного языка, рассматриваемый как устойчивый набор средств, которые откладываются в общекультурном сознании его носителей в качестве дейктических указателей на сферу поэтического и способов «намекания» на коммуникативную роль автора как поэта, стихотворца, сочинителя.

Промежуточные результаты и перспективы. Поэтизмы и художественное качество текста

Подготовленный поэтический корпус, в числе других корпусов словаря, используется как основа для обучения программы, которая в дальнейшем должна самостоятельно выявлять в сети стилистически окрашенные единицы и насыщенные ими тексты, пополнять корпуса в автоматическом режиме. ЖСС уже сейчас позволяет определить функционально-стилевые тяготения слов (словоформ) – их поведение по отношению к основным, универсальным коммуникативным контекстам и ролям говорящего (в диапазоне книжный – разговорный). В частности, выявляется тяготение единиц к контексту художественного сочинительства и роли сочинителя (по-другому, отнесенность единиц к художественному стилю языка).

Дальнейшее пополнение корпусов, в том числе поэтического подкорпуса, позволит сделать эту характеристику более точной и разносторонней. В частности, этому может способствовать жанровая разметка и дальнейшее автоматическое установление жанровой специфичности слова (в том числе его тяготение к конкретным жанрам художественной словесности).

На время написания статьи в стайлсет-базе поэтизмов более 1000 единиц (включая словоформы и сочетания слов), в художественном корпусе, основной частью которого является поэтический подкорпус, – более 1000 текстов и фрагментов – репрезентантов контекстов литературного сочинительства и манифестантов коммуникативной роли писателя, поэта.

Хотя в настоящее время словарь не решает задачи стилистического анализа отдельных текстов, в дальнейшем проект предусматривает автоматическое представление картины насыщенности текста поэтизмами и картины стилистической семантики текста в целом.

Высокая концентрация поэтизмов не востребована современным поэтическим языком и зачастую свидетельствует не о принадлежности текста к сфере поэзии, а скорее о его вторичности, т. е. является свидетельством посредственной поэзии. Сочинитель, сосредоточенный на том, чтобы его восприняли в качестве поэта, реализует стратегию самопозиционирования, которая не является обязательной для решения эстетических задач. Напротив, «чтобы сказать новое, воплотить и передать еще никому доподлинно не известное, но близко ощущаемое поэтом содержание, необходимо преодолеть “извечный способ выражения”» [9, с. 86]. ЖСС может стать детектором такого рода стихотворства, не способного преодолеть инерцию поэтичности и в силу этого сможет использоваться как инструмент первичной оценки художественного качества текста.

Вместе с тем поэтизмы, наравне с любыми другими и по-другому стилистически маркированными языковыми средствами, могут успешно использоваться и собственно языком словесного искусства (поэтическим языком как функциональной семиотической системой – особой системой тактик, операций и приемов работы со словом), который принципиально не ограничен в выборе материала, подчиняя любое языковое средство решению эстетических задач. Тем не менее поэтизмы сами по себе не создают поэзии и не могут даже считаться ее обязательным признаком. Это и делает их в первую очередь предметом теории литературного языка, отражающего общекультурное сознание говорящих, и уже вследствие этого – одним из возможных предметов поэтики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живой стилистический словарь русского языка. – Режим доступа: <http://livedict.syllabica.com/>. 2019
2. Kilgarriff A. Introduction to the special issue on the web as corpus / A. Kilgarriff and G. Grefenstette // Computational Linguistics. – 2003. – 29, (3). – P. 333–348.
3. Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II : Интегральное описание и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – С. 156–177.
4. Долинин К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1987. 303 с.
5. Векшин Г. В. Основы стилистической семантики : учеб. пособие / Г. В. Векшин, С. А. Гейченко. – М. : Московский технолог. университет (МИРЭА), 2017. – 128 с.

6. Понятие поэтического языка // Винокур Г. О. *Филологические исследования : лингвистика и поэтика* / Г. О. Винокур. – М. : Наука, 1990. – С. 140–145.
7. Шкловский В. Б. *Искусство как прием* / В. Б. Шкловский // *О теории прозы*. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 9–25.
8. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. *Литературная эволюция : Избранные труды* / Ю. Н. Тынянов. – М. : Аграф, 2002. – С. 29–166.
9. Григорьев В. П. *Поэтика слова : на материале русской советской поэзии* / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
10. Лотман Ю. М. *Анализ поэтического текста : структура стиха* / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 271 с.
11. Ханзен-Лёве Оге А. *Русский формализм : методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения* / Оге А. Ханзен-Лёве ; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 672 с. – (Studia philologica).
12. Карасик В. И. *Языковой круг : личность, концепты, дискурс* / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
13. Макаров М. Л. *Основы теории дискурса* / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
14. Гаспаров Б. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования* / Б. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
15. Орехов Б. В. «Поэтизм»: логический анализ термина / Б. В. Орехов // *Вестник Башкир. ун-та*. – 2012. – Т. 17, № 3 (I). – С. 1647–1648.
16. Кретов А. А. *Понятие маркемы : методика выявления и практика использования* / А. А. Кретов // *Универсалии русской литературы : сб. ст. / под ред. А. А. Фаустова ; Воронежский государственный университет*. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 138–153.
17. Кашкина А. В. *Маркемный анализ языка русской поэзии : дис. ... канд. филол. наук* / А. В. Кашкина. – Воронеж, 2013. – 544 с.
18. Принципы сегментации поэтической речи // Руделев В. Г. *Собр. соч. : в 6 т.* / В. Г. Руделев. – Т. 2, ч. 2. – Тамбов : ТГУ, 2002. – С. 85–91.
19. Фарино Е. *Введение в литературоведение : учеб. пособие* / Е. Фарино. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – С. 279–434.
20. Виноградов В. В. *Стилистика, теория поэтической речи, поэтика* / В. В. Виноградов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963.
21. Брик О. М. *Ритм и синтаксис* / О. М. Брик // *Славянский стих*. – 2012. – Т. 9. – С. 501–550.
22. Гаспаров М. Л. *Избранные труды : в 4 т.* / М. Л. Гаспаров. – Т. IV. *Лингвистика стиха. Анализ и интерпретация*. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 720 с.
23. Коурова О. И. *Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как термин стилистики* / О. И. Коурова // *Вестник Челяб. гос. пед. ун-та*. – 2016. – № 8. – С. 167–170.
24. Авамилова Э. А. *Алгоритмы составления корпусов «Живого стилистического словаря русского языка» и его программная разработка* / Э. А. Авамилова [и др.] // *Книга в современном мире : место в культурной парадигме общества в условиях цифровой революции*. – Воронеж, 2019 (в печати).
25. Ляшевская О. Н. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)* / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009.
26. Russian Frequency Lists. Serge Sharoff, June 2008. – Mode of access: <http://corpus.leeds.ac.uk/serge/frqlist/>
27. Шилихина К. М. *Об источниках словника «Живого стилистического словаря русского языка»* / К. М. Шилихина, Г. В. Векшин // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2017. – № 3. – С. 16–20.
28. Иванова Н. Н. *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.) : более 4500 образных слов и выражений* / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – М. : АСТ ; Астрель ; Русские словари ; Транзиткнига, 2004. – 666 с.
29. Павлович Н. В. *Словарь поэтических образов : на материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. : в 2 т.* / Н. В. Павлович. – Т. 1–2. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2007.
30. Коурова О. И. *Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи* / О. И. Коурова. – Шадринск : Шадринский гос. пед. ин-т, 2001. – 295 с.
31. *Словарь языка русской поэзии XX века* / сост.: В. П. Григорьев [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – (Studia philologica).

REFERENCES

1. *Zhivoy stilisticheskij slovar' russkogo jazyka* [Russian Live Stylistic Dictionary]. 2019. Available at: <http://livedict.syllabica.com/>
2. Kilgarriff A. and Grefenstette G. Introduction to the special issue on the web as corpus. In *Computational Linguistics*. 29 (3). 2003. P. 333–348.
3. Konnotacija kak chast' pragmatiki slova [Connotation as a part of word pragmatics] // Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy. T. II: Integral'noe opisanie i sistemnaja leksikografiya* [Integral description of the language and System lexicography]. Moscow, 1995. P. 156–177.
4. Dolinin K. A. *Stilistika francuzskogo jazyka* [French Stylistics]. 2nd ed. Moscow: Prosveshhenie, 1978. 303 p.
5. Vekshin G. V., Gejchenko S. A. *Osnovy stilisticheskoy semantiki* : ucheb. pos. [Theoretical Fundamentals of Stylistic Semantics]. Moscow: Moskovskij tehnologicheskij universitet (MIREA), 2017. 128 p.
6. *Ponjatie pojeticheskogo jazyka* [Concept of the Poetic Language]. In Vinokur G. O. *Filologicheskiye issledovaniya: Lingvistika i Poetika* [Philologic researches: linguistics and poetics]. Moscow: Nauka, 1990. P. 140–145.

7. Shklovskij V. B. *Iskusstvo kak priem* [Art as a Technique]. In *O teorii prozy* [Theory of prose]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1983. P. 9–25.
8. Problema stihotvornogo jazyka [The Problem of Poetic Language] // Tynjanov Ju. N. *Literaturnaja jevoljucija : Izbrannye trudy* [Literary evolution: selected works]. Moscow: Agraf, 2002. P. 29–166.
9. Grigor'ev V. P. *Poetika slova : na materiale russkoj sovetskoy poezii* [Poetics of the Word. On the material of Russian Soviet Poetry]. Moscow: Nauka, 1979. P. 343.
10. Lotman Ju. M. *Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha* [Analysis of Poetic Text: Verse Structure]. Leningrad: Prosveshhenie, 1972. P. 271.
11. Hanzen-Ljove Oge A. *Russkij formalizm: Metodologicheskaja rekonstrukcija razvitiya na osnove principa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodological Reconstruction of the Development based on the Principum of Defamiliarization]. Translated from German by S. A. Romashko. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2001. 672 p. (Studia philologica).
12. Karasik V. I. *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circus: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd : Peremena, 2002. 477 p.
13. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis, 2003. 280 p.
14. Gasparov B. *Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 p.
15. Orekhov B. V. "Pojetizm": logicheskij analiz termina ["Poeticism": Logical Analysis of the Term]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 17. No. 3 (I). 2012. P. 1647–1648.
16. Kretov A. A. Ponjatie markemy: metodika vyjavleniya i praktika ispol'zovaniya [The Concept of Markeme: Methodology of its Identification and Practice of Use]. In *Universalii russkoj literatury* [Universals of Russian literature]: Sbornik statej. Ed. A. Faustov. Voronezh: Nauka-Junipress, 2010. P. 138–153.
17. Kashkina A. V. *Markemnyj analiz jazyka russkoj poezii* [Markeme Analysis of the Language of Russian Poetry]: Doctoral Dissertation. Voronezh, 2013. 544 p.
18. Rudelev V. G. Principy segmentacii pojeticheskogo rechi [Principles of Segmentation of Poetic speech segmentation]. In V. G. Rudelev. *Sobr. soch.* [Collected writings] : in 6 v. Vol. 2, ch. 2. Tambov : TGU, 2002. P. 85–91.
19. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]: ucheb. pos. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. 639 p.
20. Vinogradov V. V. (1963). *Stilistika, teorija pojeticheskogo rechi, pojetika* [Stylistics, Theory of Poetic Discourse, Poetics]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
21. Brik O. M. Ritm i sintaksis [Rhythm and Syntax]. In *Slavjanskij stih* [Slavic verse]. 2012. P. 501–550.
22. Gasparov M. L. *Izbrannye trudy. V 4 t. T. IV. Lingvistika stiha. Analizy i interpretacii* [Selected Works. In 4 vol. Vol. IV. Linguistics of Verse. Analysis and Interpretations]. Moscow: Jazyki slavjanskogo kul'tury, 2012. P. 720.
23. Kourova O. I. Tradicionno-poeticheskaja leksika i frazeologija kak termin stilistiki [Traditional-Poetic Vocabulary and Phraseology as Stylistics Concept]. In *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 8. 2016. 167–170.
24. Avamilova Je. A., Vekshin G. V., Kretov A. A., Maksimov E. S. Algoritmy sostavleniya korpusov "Zhivogo stilisticheskogo slovarja russkogo jazyka" i ego programmaja razrabotka [Algorithms for Composition of Text Corpora of "Russian Live Stylistic Dictionary" and its Software Development]. In *Kniga v sovremennom mire: mesto v kulturnoj paradigme obshchestva v uslovijakh tizirovoj revoliucii*. Voronezh: VGU, 2019 (in print).
25. Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)* [Frequency Dictionary of Modern Russian (based on National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik, 2009.
26. Sharoff S. *Russian Frequency Lists*. Available at: <http://corpus.leeds.ac.uk/serge/frqulist/>. 2008, June
27. Shilihina K. M., Vekshin G. V. *Ob istochnikah slovnika "Zhivogo stilisticheskogo slovarja russkogo jazyka"* [About the Sources of Glossary of "Russian Live Stylistic Dictionary"]. In *Vestnik VGU*. No. 3, 16–20. Voronezh : VGU, 2017 (Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija).
28. Ivanova N. N. *Slovar' jazyka poezii (obraznyj arsenal russkoj liriki konca XVIII – nachala XX v.) : Bolee 4500 obraznyh slov i vyrazhenij* [Poetry Language Dictionary (Imagery of 18th – the beginning of 19th Century Russian Lyrics)] / N. N. Ivanova, O. E. Ivanova. Moscow: AST; Astrel'; Russkie slovari; Tranzitkniga, 2004. 666 p.
29. Pavlovich N. V. *Slovar' pojeticheskikh obrazov: Na materiale russkoj hudozhestvennoj literatury XVIII–XX vv. V 2 t. T. 1–2* [Dictionary of Poetic Images: Based on Russian Fiction. In 2 v. Vol. 1–2]. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Jeditorial URSS, 2007.
30. Kourova O. I. *Slovar' tradicionno-pojeticheskogo leksiki i frazeologii pushkinskoj epohi* [The Dictionary of Traditional-Poetic Words and Phrases in the Age of Pushkin]. Shadrinsk : Shadrinskij gos. ped. in-t, 2001. 295 p.
31. *Slovar' jazyka russkoj poezii XX veka* [Dictionary of the 19th Century Russian Poetry]. Ed. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kuleva A. S. i dr. M. : Jazyki slavjanskogo kul'tury, 2001. (Studia philologica).

Московский политехнический университет
Векшин Г. В., доктор филологических наук, профессор
E-mail: philologos@yandex.ru

Лемешева М. М., магистр лингвистики
E-mail: lemesheva.m@list.ru

Moscow Polytechnic University
Vekshin G. V., Doctor of Philology, Professor
E-mail: philologos@yandex.ru

Lemesheva M. M., Master of Linguistics
E-mail: lemesheva.m@list.ru